

Глубина моря

Автор:

[Анника Тор](#)

Глубина моря

Анника Тор

Остров в море #3

«Глубина Моря» – третья часть тетралогии известной шведской писательницы Анники Тор. Основанная на реальных событиях повесть о маленьких беженках-еврейках, вывезенных в 1939 году из Австрии в Швецию, принесла автору несколько литературных наград и любовь читателей. Первые два романа – «Остров в море» и «Пруд Белых Лилий» – и заключительный – «Открытое море» – уже вышли в издательстве «Самокат». В 1999 году роман «Глубина моря» был отмечен премией Августа Стриндберга как лучшая книга для детей и подростков.

Анника Тор.

ГЛУБИНА МОРЯ

МОСКВА • САМОКАТ

Глава 1

Трамвай, громко стуча колесами, ехал по широкой улице. Штеффи смотрела в окно, не замечая того, что видела. Улицы, дома, магазины и деревья по пути в школу были так хорошо знакомы, что стали невидимыми. Где-то в ее сознании промелькнули другие улицы, другие дома. Как видение, как воспоминание о сне.

– О чем ты задумалась?

Штеффи перевела взгляд от окна на Май, что сидела рядом с ней.

– Ни о чем, – сказала она.

– Тебе повезло, что едешь не одна, – сказала Май. – А то, чего доброго, забудешь выйти.

С резким скрежетом трамвай затормозил у остановки Сандарна. Штеффи и Май поднялись. Так же поступили почти все остальные пассажиры, кто еще не сошел на извилистом пути трамвая через Майорну. Район Сандарна – не конечная остановка, а лишь последняя городская станция. Полупустой трамвай заворачивал за холм, пересекал черту города и следовал дальше к летним виллам в Лонгедраге и пляжам Сальтхольмена.

Штеффи жила на окраине. На самом дальнем краю города. Совсем как на острове в море, где жили тетя Марта с дядей Эвертом. Штеффи решила, что попала на край света, увидев впервые их дом на суровом западном побережье, вдали от видневшейся пристани и маленького поселка.

Когда живешь в сотнях миль от своего дома и родителей, то чувствуешь, что ты всегда далеко. Неважно, какой у тебя адрес.

Девочки сошли на посадочную площадку и перешли улицу. Прямо перед ними на пологом холме возвышалась народная школа. Огромное белое здание для сотен детей из дома для многодетных семей. Трое из семьи Май посещали эту школу. Эрику и Нинни еще рано учиться, а Бриттен, следовавшая по старшинству за

Май, весной закончила учебу и устроилась в булочную курьером. Почти все дети из рабочих семей в Сандарне учились до шестого класса. Май была исключением, она получала стипендию благодаря своим высоким отметкам и продолжала учиться в школе для девочек.

– Ох уж этот дрянной экзамен по математике! – сказала Май. – Я его никогда не сдам. Ничего не выйдет, это точно. Если я завалю этот экзамен, фрекен Бьёрк не аттестует меня. А как же гимназия?

Шел третий год их учебы в школе для девочек. Осенью им предстояло поступать в гимназию. Если позволят отметки, они получат стипендию. Все в классе переживали за свои оценки, но только Штеффи и Май без стипендии не смогут продолжить учебу.

– Все будет в порядке, – сказала Штеффи. – Я тебе помогу.

В центре города дома были обращены фасадами на улицу. За ними теснились сады и заборы, другие дома и сараи. Темные лабиринты, скрытые позади, вели к светлым улицам.

В районе Сандарна не было садов. Дома стояли на склонах холмов, еще покрытых прошлогодней жухлой травой, но скоро они зазеленеют. Светлые ряды зданий были развернуты так, чтобы солнце освещало каждое окно и балкон. К подъездам вели узкие дорожки. Во дворах сохли яркие лоскутные коврики, и повсюду галдели дети.

Сначала Штеффи с Май зашли в «Консум» и купили в кредит продукты на ужин. Здесь всё, как говорится, «записывали». Тетя Марта бы этого не одобрила. Один из ее многочисленных жизненных принципов гласил: никогда не брать в долг.

Затем они зашли в детский сад и забрали Эрика с Нинни. Эрик, шестилетний баловень, не желал, чтобы его видели со старшей сестрой и ее подругой, и сразу же убежал играть с большими мальчишками. Трехлетняя Нинни обнимала и целовала Май и отказалась сама подниматься по лестнице. Май взяла ее на руки, но вскоре Нинни попросилась к Штеффи, а на полпути до квартиры малышка снова захотела к сестре.

– Избаловали ребенка, – ворчала Май, таща Нинни последние два лестничных пролета на четвертый этаж.

– Кто же ее избаловал? – смеясь, спросила Штеффи.

– Да знаю я, знаю!

На лестнице их догнала Гуннель, ей исполнилось восемь. Она увидела, как девочки зашли в подъезд, и хотела рассказать о том, что случилось в школе. Гуннель взяла Штеффи за руку и принялась увлеченно болтать. Она была в восторге от темных волос и карих глаз Штеффи; Гуннель даже пыталась подражать ее легкому акценту. Гуннель всегда держала Штеффи за руку или сидела у нее на коленях. Штеффи была не против.

Хотя временами, когда Гуннель сидела у нее на коленях и играла локоном, Штеффи охватывало чувство вины. Изза Нелли. Нелли, ее собственная младшая сестра, оставалась на острове у своих приемных родителей, тети Альмы и дяди Сигурда, пока Штеффи училась в Гётеборге. Штеффи виделась с сестрой лишь один раз в месяц на выходных и на каникулах, когда приезжала на остров. Нелли шел одиннадцатый год – взрослая девочка, которая уже не сидит ни на чьих коленях.

Покидая Вену еще до войны, Штеффи обещала маме с папой заботиться о Нелли.

Она не была уверена, что ей это удалось.

Глава 2

Штеффи открыла дверь ключом, одним на двоих с Май. У Бриттен был свой собственный, а младшие дети гуляли во дворе и ждали, пока не вернутся из школы Май и Штеффи или не придет пораньше с работы их мама.

На коврике у порога в прихожей лежала желтоватая почтовая карточка. Штеффи подняла ее. Она даже не взглянула на обратный адрес, потому что знала его.

Ранней осенью перестали приходить из Вены письма от родителей. Многие месяцы ни Штеффи, ни Нелли ничего о них не знали. Беспокойство, словно ноющая боль, не покидало ее, день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем.

Наконец пришла карточка, точно такая, как сейчас у нее в руках. Обратный адрес – Терезиенштадт, лагерь в Чехословакии около Праги. Немцы собрали там тысячи евреев: мужчин, женщин и детей из Вены и Берлина, Гамбурга и Праги. В этом лагере оказались бы и Штеффи с Нелли, если бы мама с папой вовремя не отправили их в Швецию.

Послания из Терезиенштадта выглядели всегда одинаково. Простая почтовая карточка без конверта. Скупой текст. Штеффи посчитала слова – всего тридцать, помимо даты и подписи. «Наверное, больше нельзя писать», – подумала Штеффи. Кто-то сидел и считал слова в тысячах карточек. Не удивительно, что они приходили не раньше чем через месяц, иногда и того позже.

В первой карточке папа просил отправить посылку с продуктами. Он не объяснил, что им было нужно, но тетя Марта помогла Штеффи наполнить коробку консервами, сушеными фруктами, овсяной крупой и твердым хлебом грубого помола. Теперь они собирали посылку каждый раз, когда Штеффи приезжала на остров. Половину расходов тетя Марта брала на себя, остальное Штеффи покупала сама на деньги, которые заработала в цветочном магазине за неделю до Рождества. Зимой тетя Марта упаковала в посылку теплые вязаные носки и шарфы. Иногда мама Май, тетя Тюра, совала Штеффи банку консервированного молока или пачку изюма и просила отослать в следующей посылке.

Май тоже сразу поняла, что карточка – от родителей Штеффи. Она опустила Нинни на пол и забрала у Штеффи сумку с продуктами.

– Слушай, иди в комнату, – сказала она, – Я разберусь с малышами и с ужином.

Май исчезла в кухне, забрав с собой Нинни. Гуннель стояла в прихожей и смотрела на Штеффи, пока та снимала пальто.

- Гуннель! - крикнула из кухни Май. - Иди сюда, оставь Штеффи в покое!

Гуннель неохотно побрела в кухню. Штеффи с карточкой в руке вошла в спальню, которую делила с Май, Бриттен и Гуннель. Родители Май спали с Нинни в большой комнате, а одиннадцатилетние Курре и Улле - на кухонном диване. Эрик спал в ванной комнате, где должна была стоять ванна. Саму ванну раздобыть не удалось. Коммунальные службы пообещали установить ее после войны.

Штеффи села на одну из кроватей - на ту, где спала, - и принялась читать:

Терезиенштадт, 13 марта 1943

Доченька!

Спасибо за посылку! Передай привет тете Марте и поблагодари. Ваша забота - для нас все. Представляешь, я буду играть Царицу Ночи в «Волшебной флейте» - опера здесь, в лагере! Целую,

мама

Тридцать слов. Так мало. Штеффи представила, как мама пишет карандашом черновик, зачеркивает и заменяет слова, чтобы поместилось то, что она хотела сказать. Наверняка она заменила «Дорогая Штеффи» на «Доченька», сэкономив таким образом слово. Отказалась вставить слово «сердечно», когда просила Штеффи поблагодарить тетю Марту. Но не смогла обойтись без небольшого исключения «Представляешь!» Что мама имела в виду? Неужели она будет петь оперу в лагере?

Партия Царицы Ночи всегда была маминой мечтой. Ей не удавалось получить эту роль, а потом она ушла из Оперного театра. Мама говорила, что была слишком молода для этой роли. Однажды они всей семьей ходили на «Волшебную флейту», еще до прихода немцев.

А что, если в лагере Терезиенштадт не так страшно? Можно ли назвать место, где разрешают играть и петь музыку Моцарта, ужасным?

Штеффи перевернула карточку, словно могла обнаружить там что-то еще, кроме тридцати слов. Шепот, какие-то оттенки, ответ на свой вопрос.

Шум с кухни заставил ее вернуться к действительности. Нинни ударилась, и Май распекала Гуннель за то, что та не уследила за малышкой, пока сама она готовила ужин.

Штеффи поднялась. Ей хотелось помочь Май по хозяйству. Чем еще она могла отплатить за гостеприимство? Родители Май получали деньги от комитета помощи как компенсацию за еду, жилье и карманные расходы. Но все же им приходилось нелегко. Помимо Штеффи в семье Май девять человек. И хотя квартира в Сандарне была больше, чем их прежнее жилье на Каптенсгатан, все равно было тесно.

Летом Штеффи возвращалась на остров, и о деньгах заботилась тетя Марта. То, что оставалось после вычета расходов на еду и карманные деньги, тетя Марта откладывала на сберегательную книжку Штеффи.

- Это тебе на будущее, - говорила тетя Марта.

Будущее. Раньше оно простиралось перед Штеффи как бесконечная череда дней. Путь по открытым землям, не прямой как стрела, но его можно было видеть, ему можно было следовать. Теперь же Штеффи не видела перед собой никакого пути. Она шла как в тумане, осторожно, шаг за шагом. Однажды туман рассеется. Однажды война закончится.

Штеффи вошла в кухню. Май поставила вариться картошку и жарила сельдь. Рыбный запах наполнял комнату. Штеффи втянула ноздрями воздух. Она научилась любить рыбу с тех пор, как приехала в Швецию.

- Тебе помочь? - спросила она.

- Все нормально? - поинтересовалась Май.

– Думаю, да.

– Тогда накрой на стол, – сказала Май.

Штеффи расставила тарелки, стаканы и разложила столовые приборы. Кухня была маленькой и не вмещала всех десятерых. Обычно Штеффи с Май возвращались из школы и готовили ужин. Закончив, звали младших и ели с ними. Затем тетя Тюра разогревала еду Бриттен, папе и себе. Кроме воскресений. По воскресеньям кухонный стол переносили в гостиную, и вся семья ужинала вместе, кто за кухонным столом, кто за журнальным столиком.

На Каптенсгатан кухня была шире. Но в остальном здесь было лучше. Квартира казалась просторной, хотя не была такой уж большой. Из гостиной наискосок виднелась прихожая, а через окно для раздачи – кухня. Обои светлые и свежие, пол покрыт линолеумом. В кухне имелись газовая плита и сервант. Из кранов текла горячая вода. Под окном – радиатор, обогревающий квартиру, а на лестнице – мусоропровод, не нужно было выносить мусорное ведро на помойку. Когда тетя Тюра увидела это впервые, она прослезилась.

– Подумать только, – сказала она, – чтобы простые люди жили с таким комфортом. Все такое милое и красивое. И легко моется.

Она посмотрела на свои руки, покрасневшие и шершавые от уборки дома и на работе, в семьях, где могли себе позволить платить домработнице, и продолжала:

– Горячая вода в доме! Вот бы мне такое подспорье, когда дети были совсем маленькими. Так гораздо проще держать их в чистоте. Конечно, кроме Эрика, этот парень успевает испачкаться, едва отвернешься.

«Сандарна – начало нового времени, – сказала Май. – Времени, когда рабочие получают современное жилье и власть в обществе. После войны».

После войны.

В актовом зале вот-вот начнется последний в весеннем семестре письменный экзамен по математике. Штеффи всегда охватывало неприятное чувство, как только она входила в зал. Ряды парт, дежурный учитель за своим столом и кисловатый запах спирта от копий с заданиями напоминали ей о первом экзамене по немецкому языку, когда фрекен Крантц обвинила ее в обмане. Неприятное чувство длилось миг и исчезло.

Теперь у Штеффи не было проблем с фрекен Крантц. Если Штеффи не могла объяснить, почему слово «луна» в немецком языке мужского рода, а «солнце» – женского, фрекен Крантц лишь вздыхала и задавала вопрос кому-нибудь еще. Она даже перестала критиковать произношение Штеффи и позволила ей говорить на венском диалекте.

Штеффи знала, что это заслуга фрекен Бьёрк. Она поговорила с фрекен Крантц и потребовала лучше относиться к Штеффи. Ей удалось убедить фрекен Крантц, хотя та преподавала тридцать лет, а Хедвиг Бьёрк – лишь пять. Штеффи повезло с классной руководительницей.

С учителем по географии, магистром Лундквистом, дела обстояли хуже. Еще осенью он стоял у совершенно новой карты Европы и распространялся об успехах Германии в войне. «Границы, установленные недавно, – сказал магистр Лундквист, – должны оставаться неизменными, и постепенно страны, оккупированные Германией, тоже присоединятся к немецкому государству». Он сделал широкий охватывающий жест от Норвегии к Греции, от Москвы к Парижу.

– И тогда, – сказал магистр Лундквист, – Швеция едва ли сможет остаться в стороне. Вот увидите сами. Это геополитический факт.

Обычно Май возражала ему, а он грозил ей низкими отметками.

Но сейчас, весной 1943 года, магистр Лундквист не был по-настоящему уверен в своей позиции. У немцев все шло не так гладко, как прежде. Осенью англичане выиграли крупное сражение в пустыне и теперь собирались вытеснить немецкие войска из Северной Африки. А на востоке русским удалось остановить немецкое наступление у города под названием Сталинград. Немцы были зажаты в кольцо

и наконец капитулировали. Штеффи видела документальный фильм, где замерзшие, с кругами под глазами солдаты шли с поднятыми руками.

– Это начало конца, – сказал папа Май. – Конца Третьего Рейха. Советский Союз им не по зубам.

Начало конца. Но сколько времени займет этот конец?

Хедвиг Бьёрк раздала экзаменационные задания по математике. Штеффи очнулась от своих размышлений, когда перед ней на парту приземлился пахнущий спиртом лист бумаги с лиловым шрифтом. В придачу она получила ободряющую улыбку.

Им не разрешали приступать к работе, пока все не получили свои листки. Затем в их распоряжении было три часа, до двенадцати.

Штеффи пробежалась взглядом по заданиям. Восемь штук. Первые шесть – простые. За ними – теорема по геометрии, в которой Штеффи не была уверена. Восьмое задание – сложное, но, прочитав его во второй раз, Штеффи поняла смысл. Она знала, как решить эту задачу!

Воодушевившись, Штеффи положила перед собой листок в клеточку и взяла карандаш. Перед тем как начать, она бросила взгляд на Май, которая сидела в том же ряду, но ближе к окну.

Май держала перед собой листок с заданиями на расстоянии вытянутой руки, уставившись на него пустым взглядом. На щеках у нее выступили красные пятна. Штеффи видела, что Май охвачена ужасом.

Ей захотелось подойти к Май и ткнуть пальцем в листок. Ей хотелось сказать: «Разве ты не видишь? Не видишь, как это просто? Первые шесть для тебя пустяк. Такие же задания мы решали и в школе, и дома. Два последних сложны, но тебе не нужно к ним приступать. Даже если ошибешься в одном задании, этого хватит на хорошую отметку. Ты только не бойся, тогда справишься».

Но им нельзя покидать свои места и нельзя разговаривать. Она ничего не могла сделать, чтобы вывести Май из оцепенения. Ей даже не удалось поймать ее

взгляд.

Май не станет легче, если она сама упустит время и не приступит к работе. Штеффи снова прочитала восьмое задание и решила начать с него.

Прошел час, она справилась с пятью заданиями. Остались два простых и седьмое, самое сложное.

Хедвиг Бьёрк ходила по классу. Она остановилась рядом с Май и положила ей руку на плечо. Май подняла на нее умоляющий взгляд. Хотя парты Май и Штеффи разделяли несколько метров, Штеффи увидела, что Май вспотела.

Почему математика дается Май с таким трудом, ведь с остальными предметами она справляется легко?

Штеффи решила два легких задания и приступила к сложному. Она бросила взгляд на настенные часы. Без пятнадцати одиннадцать. К двенадцати нужно успеть решить задачу и переписать чернилами на чистовик.

Тишину нарушили всхлипы. Штеффи подняла взгляд. Май склонилась над партой и плакала. Смятый лист бумаги упал с парты на пол.

Хедвиг Бьёрк поднялась со своего места и направилась к парте Май. Но, прежде чем она успела подойти, Май вскочила и с плачем бросилась вон из зала. Хедвиг Бьёрк беспомощно посмотрела ей вслед. Не могла же она бросить остальных в зале посреди экзамена.

Штеффи колебалась лишь секунду. Затем она собрала свои листки. К счастью, все написано довольно опрятно. Быстро проверила, верны ли ответы на задания и порядок вычислений. Потом взяла листки и подошла к Хедвиг Бьёрк.

– Я готова, – сказала она.

Хедвиг Бьёрк посмотрела на исписанные карандашом листки в клеточку. Пролистала их.

– Ты уверена? – спросила она.

- Да, - ответила Штеффи.

Хедвиг Бьёрк кивнула.

- Я тебе верю, - сказала она.

Штеффи отыскала Май на лестнице, ведущей в школьный подвал, у двери с табличкой «Бомбоубежище».

- Все плохо, - всхлипывала Май. - Я не смогла. Похоже, на этом моя учеба закончится.

Она повернула свое круглое заплаканное лицо к Штеффи. Очки Май держала в руке.

- Икс во второй степени и квадратный корень из игрека - я ничего не понимаю! На уроках и когда ты объясняла, я иногда улавливала суть. Но когда мне приходится решать самой, все эти иксы и игреки превращаются в противных маленьких насекомых, которые не могут оставаться на месте, и их невозможно поймать. Понимаешь?

Штеффи кивнула.

- Но ты могла бы сдать то, что сделала, - сказала она. - Вряд ли все задания были с ошибками. Что-то могло оказаться верным.

Май перестала плакать.

- «Что-то могло оказаться верным», ну спасибо, - сказала она. - Это могло оказаться совершенной, тотальной, катастрофической глупостью.

Штеффи улыбнулась. Май снова стала собой.

- Тебе нужно поговорить с Хедвиг Бьёрк, - сказала Штеффи. - Вдруг она сможет все как-нибудь уладить. Ты ведь не позволишь нескольким насекомым помешать твоей учебе в гимназии, правда?

Май тоже улыбнулась, но лишь уголками губ, ее глаза оставались грустными.

– Нет, – сказала она. – Разумеется, не позволю.

Глава 4

Вечером по средам Штеффи и Вера ходили в кондитерскую. Штеффи немного стыдилась тратить деньги на лакомства, она могла бы купить еще что-нибудь из продуктов и положить в посылку для мамы с папой. Но она не хотела говорить об этом Вере. Иначе Вера стала бы ее угощать.

Вера сама зарабатывала. Она устроилась домработницей в одну семью в Васастадене, недалеко от дома, где жила семья Свена. «Хорошее место», – сказала Вера. У нее была уютная комнатка рядом с кухней. Хозяйка оказалась милой женщиной, не было маленьких детей, за которыми нужно присматривать. Вера была свободна вечером в среду и в субботу и весь вторник. По ее словам, других девочек отпускали лишь на один день и один вечер в неделю. Вера знала, что говорила, она познакомилась со многими ровесницами, работающими в семьях.

С ними Вера ходила на танцы в Руту – ресторан с танцплощадкой в парке аттракционов Лисберг. На самом деле это место называлось Рутунда, но все называли его Рута. Уже несколько месяцев Вера пыталась уговорить Штеффи пойти туда вместе.

– Это так весело, – говорила Вера. – Тебе обязательно нужно выйти и немного повеселиться. Ты же только сидишь и корпишь над своими книгами.

Неправда. Кроме кондитерской, Штеффи ходила в кино и иногда на концерт. Они с тетей Мартой словно заключили молчаливое соглашение с тех пор, как два года назад фрекен Хольм видела Штеффи у кинотеатра, и ее чуть было не исключили из общины Пятидесятнической церкви.

– Я верю, ты сама знаешь, что правильно, а что нет, – сказала тогда тетя Марта. Но если они захотят исключить тебя снова, я ничем не смогу помочь.

Но пойти на танцы? Штеффи понимала, что это было бы слишком. На танцы – самый строгий запрет, или почти.

Вера склонилась над столом.

– Штеффи, – сказала она. – Ну что, по-твоему, случится? Кто тебя там увидит? В Руте я никогда не встречала ни единой души с острова. Никто не узнает. А мы так повеселимся!

Она умоляюще посмотрела на Штеффи своими зелеными глазами. Рыжие волосы были подстрижены в современную, длиной до плеч, прическу и искусно уложены на лбу волной. И все же волосы Веры так и норовили вырваться на свободу и встать облачком вокруг ее головы, как на острове, когда Вера и Штеффи только познакомились.

Для Веры было важно выглядеть юной дамой, а не девочкой-подростком. Ей уже исполнилось шестнадцать. Минуту назад она гордо рассказывала, как говорила новым знакомым, что ей восемнадцать, и ей верили. Ее округлая грудь выпирала под плотно облегающим свитером, губы накрашены, а дома в ящике комода лежали две пары шелковых чулок, которые она надевала на танцы.

Штеффи была всего на четыре месяца младше, но иногда чувствовала себя рядом с Верой ребенком. Она считала, что выглядит как школьница в своих белых блузках, аккуратно застегнутых кофтах и юбках в складку, с волосами, все еще коротко подстриженными и уложенными в простую прическу с пробором. Штеффи редко задумывалась о своей внешности, но в компании Веры было сложно не замечать, как выглядишь.

Вера была красива. Она слыла симпатичной еще на острове, но за полгода она расцвела и стала красавицей. «Ей бы впору на обложку журнала, – думала Штеффи, – или в кино».

Тут Вера спохватилась:

– Я ведь забыла тебе кое-что рассказать! Завтра меня будут фотографировать.

– Кто?

Вера рассказала. В прошлую субботу в Руте к ней подошел один «старик». На самом деле он не был старым. Около сорока лет, но ведь все остальные, кто ходил туда, были не старше двадцати пяти. Сначала Вера его немного испугалась, но он вел себя очень вежливо и представился фотографом, владельцем собственного фотоателье. У него даже была визитная карточка с фамилией и адресом. Он сказал, что у Веры поразительно интересное лицо и что он с удовольствием сфотографировал бы ее. Вера спросила, куда попадут фотографии, и он ответил, что имеет связи во всех крупных журналах и, конечно же, мог бы продать их. Обещал, что весь мир ляжет у ног такой красивой девушки. На вопрос, сколько ей лет, Вера, как обычно, ответила, что ей восемнадцать. Фотограф оставил ей карточку с адресом и пригласил зайти, когда сможет. Затем поклонился и ушел.

– Он такой стильный, понимаешь, – сказала Вера. – Смуглый, в красивом костюме.

Штеффи почувствовала, как внутри у нее шевельнулось беспокойство. В Верином рассказе ей что-то не понравилось.

– Тебе правда нужно туда идти? – начала она. – Подумай...

Вера пожала плечами и рассмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/annika-tor/glubina-morya-2/>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

Купить: <https://tellnovel.com/annika-tor/glubina-morya-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)